

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМНЫХ СВОЙСТВ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ
СИНКРЕТИЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ**

Бардина Татьяна Константиновна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: bardina-tatjana@mail.ru.

В статье представлены типы изменений системных свойств слов, принадлежащих к синкретичным грамматическим классам. Наблюдения над поведением периферийных разрядов в сфере частей речи позволили обнаружить процессы взаимодействия частей речи, вытекающие из самой их природы, и аналогичные синонимии на лексическом уровне; проследить влияние семантических изменений на качественное преобразование категориального значения слова, относящегося к той или иной части речи; выявить системный характер формальных, грамматических трансформаций, возникающих на синтагматическом уровне, чему во многом способствует идентичность синтаксических функций анализируемых структур.

Ключевые слова: синкретичные грамматические классы, лексико-грамматические разряды, частеречное взаимодействие, грамматическая омонимия, семантические изменения, категориальное значение, система формообразования, словообразовательные свойства, морфологические изменения, синтаксические функции

**TRANSFORMATION OF THE SYSTEM PROPERTIES OF SIGNIFICANT
WORDS OF A SYNCRETIC GRAMMATICAL NATURE**

Bardina Tat'jana K., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: bardina-tatjana@mail.ru.

The article presents the types of changes in the system properties of words belonging to syncretic grammar classes. Observations of the behavior of peripheral discharges in the sphere of parts of speech made it possible to detect the processes of interaction of parts of speech resulting from the very nature of parts of speech and similar synonyms at the lexical level; to trace the influence of semantic changes on the qualitative transformation of the categorical meaning of a word relating to a particular part of speech; to reveal the systemic nature of formal, grammatical transformations that occur at the syntagmatic level, which is largely facilitated by the identity of the syntactic functions of the analyzed structures.

Keywords: syncretic grammar classes, lexical and grammatical categories, part-word interaction, grammatical homonymy, semantic changes, categorical meaning, morphological system, word-forming properties, morphological changes, syntactic functions

Знаменательные лексико-грамматические классы слов, в особенности именные, глаголы и глагольные формы, а также наречия, являясь элементами сложившейся относительно упорядоченной иерархической системы, отнюдь не являются статичными, застывшими. Напротив, им свойственно стремление к динамическому сближению, многоплановому и многоуровневому взаимодействию. Это справедливо лишь для тех лексем, которые испытывают притяжение одновременно к разным частям речи.

Понять их логику, механизмы возникающих трансформаций, причинно-следственные связи во многом помогает обращение к исследованию структур функционально-семантических полей. Так, исходя из полевой теории частей речи, предложенной В.Г. Адмони, в каждом лексико-грамматическом классе выделяются ядро и периферия. Ядро каждого лексико-грамматического класса представляют только те лексемы, которые обладают наиболее полным набором грамматических категорий, позволяющих достаточно определённо квалифицировать их частеречный статус. Среди имён существительных это, разумеется, существительные конкретные, поскольку только они в сравнении с остальными лексико-грамматическими разрядами изменяются по числам, что является признаком считаемости, поэтому они могут сочетаться с количественными числительными и неопределённо-количественными словами. Ядром класса прилагательных является лексико-грамматический разряд качественных прилагательных, обладающих самой обширной и полной парадигмой. На периферии остаются слова со слабо выраженными признаками либо неполным набором «форм словоизменения конкретного слова по той или иной грамматической категории» [6, с. 7]. Именно периферийные участки, на которых расположились слова синкретичной разрядовой семантики, являются наиболее благоприятной почвой для возникновения различных типов взаимодействия.

Что же является толчком, пусковым механизмом для подобного рода отношений? Если речь идёт об именных частях речи, то отправным пунктом являются изменения, происходящие на уровне лексико-грамматических разрядов. Приоритетной характеристикой грамматически значимых группировок слов является общность семантики. Впрочем, это справедливо и при определении частеречного статуса, который выявляется на основе совокупности нескольких принципов, самым значимым из которых опять-таки является семантический принцип. Ведущая роль семантики бесспорна, очевидна, непререкаема, ибо именно с расширения лексического значения слова запускается цепная реакция целого комплекса изменений, которые затрагивают все компоненты системных свойств слова, как формальных, так и грамматических.

Так, в области лексико-грамматических разрядов имён существительных сдвиг семантики приводит к появлению такого выразительного средства, как метонимический перенос. В определённом контекстуальном окружении, то есть на синтагматическом уровне, происходит расширение лексических значений слов, что в конце концов становится признанным языковым фактом. Появившиеся в результате лексико-семантические варианты меняют и свои лексико-грамматические разряды. Процесс этот довольно активен. Наиболее частотными являются следующие типы параллельных соотношений:

а) абстрактное существительное – вещественное: *плавка* чугуна – получить качественную *плавку*; *удобрение* для сада – минеральное *удобрение*;

б) абстрактное существительное – конкретное: *гонка* вооружений – велосипедная *гонка*; *выход* продукции – пожарный *выход*;

в) вещественное существительное – собирательное: столовые приборы из *серебра* – в магазине много *серебра* (изделий из серебра); конфетница из *хрусталя* – в доме много *хрусталя* (посуды из хрусталя).

Семантические изменения неизбежно приводят к масштабным изменениям в грамматике, когда вполне предсказуемо появляются грамматические признаки, характерные уже для другого разряда. Так, если абстрактные существительные послужили основой для появления вещественных, то они могут иметь форму множественного числа, но в типичном для этого разряда значении – обозначать «вещества в широком смысле слова, однородные по своему составу» [6, с. 23].

Если семантические изменения в группе абстрактных существительных способствовали образованию конкретных, то совершенно закономерны

образуются формы множественного числа с характерным для этого разряда значением «раздельной множественности, противопоставленной единичности» [6, с. 26], то есть именно тем значением и последовавшими вслед за этим грамматическими признаками, позволившими им занять зону ядра в пределах своего лексико-грамматического класса.

Проследим за цепочкой трансформаций, началом которых стали изменения в семантике лексико-грамматических разрядов другой именной части речи – имени прилагательного. Активным процессом современного языкознания, начавшимся ещё в XVII веке и отмеченным многими лингвистами, является рост качественности в сфере относительных и притяжательных прилагательных. На эти процессы оказало влияние несколько причин: отсутствие строго очерченных границ между лексико-грамматическими разрядами, контекстуальное окружение, условия сочетаемости с существительными, словообразовательные механизмы образования прилагательных. Наибольшей гибкостью в этом плане обладают прилагательные, образованные от вещественных существительных, проявляющих без особых усилий качественное значение: *золотой дождь, каменный взгляд*.

Если прилагательные образованы от конкретных существительных, то они приобретают качественное значение только в составе фразеологически связанного сочетания: *халатное отношение, кабинетный учёный*. Притяжательные прилагательные, образованные от названий животных, проходят целый цикл трансформаций, прежде чем получить качественное значение. Сначала они становятся относительными в сочетании с конкретными существительными и только потом – качественными, когда сочетаются с отвлечёнными существительными: *львиная пещера – львиная шкура – львиное лицо* (то есть властное, крупное, породистое).

Доказательством произошедшей поэтапной трансформации является возникновение морфологических признаков качественных прилагательных, составляющих, как известно, ядро этого класса. Синкретизм лексем подобного рода, их невероятная пластичность обогатили нашу речь яркими и образными метафорами, ещё раз продемонстрировав текучесть функционально-семантических полей: то, что традиционно по семантическим и грамматическим показателям находилось на периферии, оказалось в центре. Приобретая качественное значение и соответствующее новому статусу грамматическое сопровождение, такие лексемы получают возможность компенсировать недостающие звенья парадигмы, отсутствующие до этого, хотя и не в полном объёме: «Как человек **деловой**, он понимал, что *никакой особенной необходимости в его присутствии на похоронах нету*» [1, с. 505]. Выделенная лексема употребляется в значении «задушевный, искренний, добрый» [2, с. 161]. Она способна образовать аналитические степени сравнения: *более деловой, самый деловой*; может сочетаться с наречием степени: *очень деловой человек*. Образование краткой формы и абстрактного существительного в данном случае невозможно.

Другие прилагательные обладают полным набором признаков: «*Вот говорят, не бывает в наш век **сердечных** людей*» [1, с. 508]. Употребляясь в значении «знающий дело, толковый, дельный» [2, с. 161], лексема **сердечный** способна образовать краткие формы: *сердечен, -а, -о, -ы*; степени сравнения: *сердечнее, самый сердечный, сердечнейший*; сочетаться с наречием степени: *очень сердечный*, образовать абстрактное существительное *сердечность*. Процесс трансформации запущен, лексическое значение слова расширилось, изменилась природа лексико-грамматического разряда, находящегося внутри лексико-грамматического класса, более абстрагированного и охватывающего все лексемы: и те, которые находятся в центре, и те, которые находятся на периферии.

С точки зрения представленности образовавшихся качественных прилагательных в составе функционально-семантического поля качественности, можно с уверенностью констатировать факт их вполне закономерного вхождения в зону ядра. Особенностью данного поля является его бицентризм, то есть «расщепление на два центра: атрибутивный и предикативный» [6, с. 63], обусловленный особенностью синтаксических функций прилагательных. Как не вспомнить при этом о заслуге Е. Куриловича, который первым из лингвистов ввёл понятие о первичных и вторичных синтаксических функциях. Поскольку в первичной синтаксической функции прилагательные выступают в качестве определения, а во вторичной – в качестве сказуемого, то в атрибутивном центре расположились полные прилагательные, а в предикативном – краткие формы, а также те, которые являются именной частью составного сказуемого. Таким образом, образовавшиеся в результате лексического расширения слова качественные прилагательные вошли в ядро обоих центров.

Проследим дальнейшую цепочку трансформационных изменений, последовавших за изменившейся семантикой. Рассмотрению подлежат процессы, затронувшие частеречное категориальное значение, морфологические, синтаксические и формальные признаки. Сравним два контекста: «*Антон служил в пожарной команде, где играл на трубе*» [1, с. 304] и «*Вызвать пожарных! Мы погибли!*» [1, с. 318]. В «Словаре русского языка» прилагательное *пожарный* зафиксировано в следующих значениях: «1. Прил. к пожар. *Черные клубы пожарного дыма стали окрашиваться заревом*. Вересаев, На японской войне. 2. Относящийся к борьбе с пожарами, связанный с ней. *Пожарное дело. Пожарная охрана. Пожарная часть*» [4, с. 234]. Данная лексема относится к лексико-грамматическому разряду относительных прилагательных и имеет значение признака «через отношение к предмету» [6, с. 59]. Значение грамматического омонима, представленного во втором случае, зафиксировано только в одном значении: «Тот, кто входит в команду, занимающуюся тушением пожаров» [4, с. 234]. Лексическое значение субстантивата сузилось, от присутствующей до этого многозначности не осталось и следа, слово функционирует в одном единственном значении.

Весь комплекс частеречных признаков изменился качественно и количественно. Частеречное значение признака как маркера лексико-грамматического класса слов уступило место значению предметности. С изменением категориального признака была утрачена принадлежность к лексико-грамматическому разряду относительных прилагательных. Функционирование в качестве субстантивата продемонстрировало принадлежность к конкретным, нарицательным, одушевлённым существительным; полная парадигма рода, имевшего у прилагательного словоизменительный характер, теперь представлена формой мужского рода классификационного характера. Категории числа и падежа образовавшегося существительного приобрели к тому же независимый статус в отличие от одноклассных категорий прилагательного.

Анализ литературного материала показал ту же закономерность: «*Тотчас за дверью послышался звук снимаемой цепи, потом повернули ключ в дверях, и выглянула женщина в белой косынке и белом халате*» [1, с. 259] и «*Некоторое облегчение внесло внезапное появление женщины в белом*» [1, с. 262]. Перед нами грамматические омонимы, один из которых представлен качественным прилагательным, входящим в ядро своего класса и обладающим полной парадигмой числа, рода, падежа, кратких форм, степеней сравнения. У субстантивата изменился характер категорий числа и падежа, которые приобрели синтаксическую независимость, а категория рода из словоизменительной стала классификационной. В семантическом плане у прилагательного *белый*, согласно материалам «Словаря русского языка» в 4 томах, насчитывается шесть значений: «1. Цвет снега, молока, мела. *Белые облака. Белая бумага. Белый как снег*. 2. Очень светлый. *Белые руки*. 3. Ясный,

светлый (о времени суток, о свете). *Белый день занялся над столицей*. Н. Некрасов, Маша. 4. Чистый. *Белая горница*. 5. В первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против нее». *Белая армия*. 6. Как составная часть некоторых зоологических и ботанических названий. *Белая куропатка. Белый медведь*» [3, с. 78]. В значении существительного у лексемы *белый* обнаружено всего одно значение: «В знач. сущ. **белые**, **-ых**, **мн.** Шашки, шахматные фигуры светлого цвета в отличие от черных. *Играть белыми. Ход белых*» [3, с. 78], причём словарная статья фиксирует функционирование субстантивата только в форме множественного числа. У параллельно существующих грамматических омонимов единственным объединяющим признаком является признак цветовой принадлежности.

В собранной картотеке по произведениям М.А. Булгакова «Жизнь господина де Мольера», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита» выявлено большое количество грамматических омонимов среди причастий и существительных: *арестованный, осуждённый, обречённый, сидящий, приглашённый, пострадавший, погибший, входящий, умерший* и другие. Например: «Он кричал о том, что не совершил никакого преступления и что всякий человек, согласно закону, имеет право похоронить **казненного преступника**» [1, с. 628] и: «**Казненные** погребены, прокуратор» [1, с. 628]. «... однажды он скитался в течение девятнадцати дней в пустыне и единственно, чем питался, это мясом **убитого** им тигра» [1, с. 582] и: «Мне приходилось видеть **убитых** на своём веку» [1, с. 628].

Выступая в качестве субстантивата, причастие становится обладателем всего комплекса частеречных признаков существительного. В списке причастий, подвергшихся субстантивации, находятся в основном те, которые изначально имеют значение лица. Именно этот факт способствует их активному переходу в другой лексико-грамматический класс. Однако присущее изначально причастиям категориальное значение действительности, протекающей во времени, не утрачивается. Своеобразие субстантиватов этого типа заключается в совмещении и значения лица, и действия, выполняемого этим лицом, хотя, как и в случае с прилагательными, у них довольно ощутимо уменьшается количество лексических значений. Например: «*Патрикеев играл в моей пьесе роль мелкого чиновника, **влюблённого** в женщину, не отвечавшую ему взаимностью*» [1, с. 314] и «***Влюблённый** всё делает для своей любимой, – звучно говорил Иван Васильевич, – ест, пьёт, ходит и ездит*» [1, с. 314]. «Словарь русского языка» отмечает только одно значение у лексемы *влюблённый* в функции существительного: «Чувствующий любовное влечение к кому-л.» [3, с. 186], тогда как в функции причастия зафиксировано три значения.

Что касается морфологических признаков, то в причастиях с утратой глагольных категорий вида, залога и времени «глагольность не разрушается» [6, с. 200]. Представленные примеры свидетельствуют о том, что в процессе субстантивации принимают участие причастия обеих видо-временных форм. Именные признаки числа и падежа приобретают независимый статус; категория рода также качественно изменяется, становясь классификационной. Перешедшие в существительные причастия выполняют синтаксические функции, присущие именно этому лексико-грамматическому классу. Например, подлежащего: «***Обреченный** только вздохнул, махнул рукой*» [1, с. 285]; дополнения: «*На открытой веранде, в виду снеговых гор, кладет Кли таких **безнадежных***» [1, с. 285]; несогласованных определений: «*...в число **писавших** по ошибке попал бутафор*» [1, с. 317].

Серьёзная семантическая трансформация неизбежно влечёт за собой и формальные изменения. Известно, что все аффиксы выполняют либо формообразующую функцию, используемую для создания словоформ, либо

словообразовательную. Характер аффикса напрямую соотносится с частеречной принадлежностью. Так, в глаголах и глагольных формах, как известно, суффиксы являются формообразующими. Понаблюдаем за изменениями в этой области в следующих примерах: «*Приехал **сумасшедший** немец или только что спятил на Патриарших*» [1, с. 360]. «*Лишь только он показал, как Бахтин закололся, я ахнул: у него глаза **мертвые** сделались*» [1, с. 292]. «*...видит, за столиком в смокинге, в петлице бутоньерка, сидит **покойный** Герасим Николаевич...*» [1, с. 286]. «*Он ничего не говорит прямо, он ... слегка касается **больных** вопросов*» [1, с. 160]. В выделенных прилагательных флексии *-ий, -ые, -ых*, являясь формообразующими, выражают одновременно несколько значений: словоизменительную категорию рода в единственном числе, категорию числа и падежа, которые являются несамостоятельными.

Когда те же лексемы функционируют в качестве существительных, то отмеченные флексии меняют свой характер: «*Перестань притворяться **сумасшедшим**, разбойник, – произнес Пилат мягко и монотонно*» [1, с. 340]. «*Наконец зеленые пальцы **мертвой** обхватили головку шпингалета, повернули ее, и рама стала открываться*» [1, с. 489]. «*Там было произведено опечатание рукописей и вещей **покойного***» [1, с. 408]. «*В "Мнимом **больном**" Мольер смеялся над самой неразумной страстью, которая существует у людей...*» [1, с. 164]. В приведённых субстантиватах флексии *-им, -ой, -ого, -ом* являются показателями числа, в единственном числе – показателями классификационной категории рода, падежа, причём все грамматические категории являются независимыми. Поскольку все перечисленные субстантиваты склоняются по адъективному типу, то, помимо формообразовательной, флексии выполняют и словообразовательную функцию, поскольку обозначают лиц женского и мужского пола. Отсюда – синкретичный характер флексий в субстантиватах.

В грамматических омонимах изменяются и словообразовательные характеристики. Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» производное слово *пожарный* отмечено знаком омонима, в качестве существительного оно зафиксировано только в форме мужского и женского рода: «Пожарный, сущ., пожарн -ая, сущ. *Здание*» [5, с. 785]. Производные *пожарник, пожарница, пожарка* обладают множественной словообразовательной структурой.

Синтаксические свойства и качества грамматических омонимов сводятся к переориентированию их сочетаемостных возможностей, изменению синтаксической функции в предложении. Разумеется, изменяется и контекстуальное окружение. Так, в предложении: «*Тот, кто правил землей, шляпы ни перед кем никогда, кроме как перед дамами, не снимал и к **умирающему** Мольеру не пришел бы*» [1, с. 11] выделенная лексема является причастием, имеет определяемое слово – существительное *Мольер*, с которым согласуется в единственном числе, в мужском роде, в дательном падеже, имеющими зависимый характер; одиночное причастие находится в препозиции к главному слову и является определением. В предложении: «*Не будь он слепым, он, может быть, и пришел бы к **умирающему***» [1, с. 11] выделенная лексема выступает в качестве существительного, являясь в предложении дополнением, а в предложении: «*Слова **умирающего** она пропустила мимо ушей*» [1, с. 285] выделенный субстантиват выступает в функции несогласованного определения.

Таким образом, в художественных текстах зафиксированы многочисленные случаи непростых, разнообразных по структуре процессов взаимодействия лексем как в сфере лексико-грамматических разрядов именных частей речи, так и в сфере лексико-грамматических классов слов. Отмеченные процессы пронизывают все уровни принципиально важных частеречных характеристик, являясь подтверждением положения о том, что система частей

речи обладает мощной внутренней динамикой. Наличие особых специфических особенностей этого сложного и интересного процесса обеспечило появление целого арсенала изобразительных языковых средств, которым так филигранно владеют истинные мастера слова.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Избранные сочинения : в 3 т. / М. А. Булгаков. – М. : Терра, 1997. – Т. 2. – 697 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1993. – 960 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 696 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1987. – Т. 3. – 752 с.
5. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Астрель, АСТ, 2003. – Т. 1. – 860 с.
6. Ушакова Л. И. Современный русский язык. Морфология / Л. И. Ушакова. – Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1999. – 282 с.

References

1. Bulgakov M. A. Izbrannye sochineniya: in 3 vol. M. : Terra, 1997. Vol. 2. 697 p.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M. : AZ, 1993. 960 p.
3. Slovar' russkogo jazyka : in 4 vol. 3rd ed. M. : Russkij jazyk, 1985. Vol. 1. 689 p.
4. Slovar' russkogo jazyka : in 4 vol. 3rd ed. M. : Russkij jazyk, 1987. Vol. 3. 752 p.
5. Tihonov A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka : in 2 vol. M. : Astrel', AST, 2003. Vol. 1. 860 p.
6. Ushakova L. I. Sovremennyy russkij jazyk. Morfologija. Belgorod : Belgorod State University Publ., 1999. 282 p.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРСИДСКИЙ

Мухин Александр Александрович, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: mukhin05@mail.ru.

В персидском языке имя существительное не имеет категории падежа. Грамматические значения, аналогичные тем, которые в русском языке выражаются падежной формой с предлогами, в персидском передаются аналитическими средствами: предложными и послеложными конструкциями, изафетными сочетаниями и некоторыми другими способами. Данная статья посвящена описанию способов и средств, которые используются в переводе с русского языка на персидский в предложениях, содержащих слова и синтаксические конструкции в родительном падеже.

Ключевые слова: словосочетание, родительный падеж, перевод, предлоги, словоизменение, изафетная конструкция, синтаксическая связь, флексия, предикатив, именное сказуемое, порядок слов, язык